

НА СВЕТЕ много мест, с которыми связаны драматические или поэтические события, где бывали и жили деятели культуры и истории. Среди них есть и такие, что неведомым путем тревожат и будят воображение, а у людей гениальных вызывают к жизни образы, которые потом веками живут самостоятельной жизнью. Одним из таких мест и является Михайловский замок. Он возник как убежище-резиденция императора Павла. И был таковым... 40 дней до ночи, 11 марта 1801 года — до его убийства. Потом долго пустовал, менял хозяев, жильцов. Затем засыпали окружавшие замок рвы и разместили в нем военно-инженерное училище, академию и Главное инженерное управление. С тех пор Михайловский замок приобрел второе название — Инженерный.

Как было в то время широко распространено, в здании учреждения разместили и жилые квартиры служащих. Так, в Инженерном замке оказалась квартира Александра Петровича Опочинина, начальника архива Инженерного управления. Он был представителем на редкость музыкальной семьи. Были они знакомы с Глинкой, Даргомыжским, участниками кружка Балакирева. Один же из них — Модест Петрович Мусоргский. Так сложилась его судьба, что с конца августа 1868 года и более чем на два с половиной года эта квартира в Инженерном замке стала ему домом.

Это был человек сложный и очень неординарный. Деликатный и мягкий во всем, что не касалось его творчества, в музыке он был верен только своему художественному чувству. Когда Балакирев, Кюи или Стасов своим авторитетом пытались диктовать ему в творчестве, он, страдая от непонимания и поучений, выбирал все-таки собственную дорогу. В довершение всего Мусоргский обладал душой, до болезненности чутко отзывавшейся на любое страдание и всяческое насилие.

Тени прошлого продолжали

жить в замке. У Мусоргского, человека, одаренного тонким восприятием окружающего мира, они вызывают новые образы, которые постепенно оживают, обретают плоть. Как раз в это время историк русской литературы, пушкинист, преподаватель Лицея Владимир Васильевич Никольский подсказал Модесту Петровичу пушкинского «Бориса Годунова» как тему оперы. И Мусоргский загорелся!

Это, конечно, случайно, что

ческие минуты жизни. У Мусоргского Борис не просто кающийся грешник, но и отщепленец перед народом и собственной совестью за судьбу страны. Ведь и либретто «Бориса Годунова» написано самим композитором.

В Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в архиве Мусоргского хранится необычный том сочинений А. С. Пушкина. На листах бумаги, вклеенных между страницами

лы! — вот как оценил работу Мусоргского композитор академик Борис Асафьев.

В опере две сюжетные линии, две главные действующие силы. В линии царя — муки совести, которые приводят его к полному душевному разладу и смерти.

Вторая линия — так же непрерывно и напряженно развивающаяся — линия народа, который постепенно переходит от тупого равнодушия к недовольству, а затем и бунту. Раз-

ся он, массовыми народными сценами. Но, может быть, именно это и не позволило завершиться той работе, продолжавшейся более трех лет. С увлечением создавая сцену за сценой, он вместо восточных напевов все глубже погружался в русскую народную песенность, широкую песенную мелодику. Первым заметил это, видимо, сам композитор. Красноречива его собственная реплика: «Это было бы бесплодно, зная, что выйдет бы Карфаген!».

И вот теперь музыкальные темы «Саламбо», создававшиеся здесь же, сами просились в новую работу, находили себе в ней законное место и в массовых сценах, в партии Бориса.

Работа над оперой у Мусоргского шла необыкновенно быстро — к середине июня следующего года уже был закончен клавиш первой редакции. Но оперный комитет «не одобрил» ее к представлению. К великому удивлению друзей, Мусоргский не был огорчен, не впал в уныние. Он не столько переработал, сколько развил оперу, включив в нее лирические, бытовые и народные эпизоды, усилив в целом психологическое звучание. Как оказалось, многое у него было готово заранее, но многое, перерабатывая, он писал заново.

После долгих мытарств 27 января 1874 года в Мариинском театре состоялась премьера. Дирижировал Направник. Успех был огромный. И все-таки после первого триумфа на оперу обрушилась волна непонимания. В хоре «критиков» оказались и такие, как М. Е. Салтыков-Щедрин и даже соратник из «Могучей кучки» Ц. А. Кюи, не считая многих, о ком сегодня вообще уже забыли.

Сегодня «Борис Годунов» — одна из вершин оперного искусства. Лучшие певцы мира включают ее в свой репертуар, лучшие оперные театры ставят ее на своей сцене — шедевр Мусоргского, рожденный под впечатлениями от Михайловского замка.

В. И. М. АЙЗЕНШТАДТ

ИЗ ЛЕТОПИСИ ИНЖЕНЕРНОГО ЗАМКА

Вет. Ленинград - 1989 - 30 кн. 88

«Глядит задумчивый певец...»

именно здесь, на первом этаже Михайловского замка, в квартире Опочинина, Мусоргский начал работу над «Борисом». Но не случайно, что под его сводами, за толстыми его стенами в сознание композитора проникала и музыкально воплощалась основная идея пушкинской трагедии: власть связана с преступлением. Здесь само прошлое замка, сама история говорили, что руками, запятнанными кровью, нельзя благодетельствовать народ.

Примечательно, что за тридцать лет до этого, в тех же самых стенах делал свои первые литературные опыты Федор Михайлович Достоевский — кондуктор кондукторской роты инженерного училища. Он работал над исторической драмой «Мария Стюарт»: тема дороги к власти через кровь, через преступление! Отсюда следующий шаг — шаг, неизбежный для гуманно мыслящего человека, — тема большой совести, тяжких душевных мук последствия преступления.

Эту тему разработал в музыке М. П. Мусоргский. Он расширил ее в пушкинском Борисе, обнаживая переживания человеческой личности в крити-

пушкинского текста, каллиграфическим почерком Мусоргского нанесены бисерные строки — автограф его работы над либретто оперы. На заглавном листе этого тома есть надпись: «Задумано в осень 1868 года; работа начата в октябре 1868 года. Для этой-то работы и союжена сия книжица Людмиле Шестаковой». Людмила Ивановна Шестакова — родная сестра и самый близкий человек Михаила Ивановича Глинки. Она-то и познакомила М. П. Мусоргского и В. В. Никольского. Как бы передала эстафету Глинки. У Мусоргского началась самая счастливая, плодотворная пора жизни.

Композитор не стремился буквально переложить на музыку текст пушкинской трагедии: законы музыкальной драматургии отличаются от законов драматического театра. Из двадцати трех сцен трагедии в опере осталось лишь девять, но это не только не нарушило идеи драматического произведения, а позволило, развив эти сцены, сконцентрировать в них наибольший эмоциональный накал. Драматург «шекспировской пронительности и си-

вив здесь пушкинскую тему народа как коллективно действующего лица, «как великую личность, одушевленную единой идеей», Мусоргский в новых исторических условиях довел ее до открытого бунта в сцене под Кромами, и, вопреки классической оперной традиции, вместо завершающих хоров, славлений — щемлящая боль песни Юродивого. После временного триумфа — вопрос в будущее, тревожное и неопределенное. Стихийное восстание показало себя несостоятельным. Что же дальше?

Но и эта тема — тема народа, — как это ни удивительно, одним из своих корней вплеталась в камни Инженерного замка. За пять лет до описываемых событий, в конце 1863 года, Мусоргский служил в департаменте Главного инженерного управления, помещавшемся тут же, в замке. С этим временем совпало его знакомство и увлечение только что переведенным романом Флобера «Саламбо».

И, как позднее в «Борисе», композитор, загоревшись желанием писать оперу на эту тему, в первую очередь взялся за либретто. Особенно увлек-